

ПАКИСТАНСКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

ЗОЭ АНСАРИ¹

Наш самолет приближался к южной границе Советского Союза. Вдруг раздался звонкий голос стюардессы: «Смотрите, мы пролетаем над Аму-Дарьей!»

И хотя мы находились высоко в небе, мне вспомнились слова поэта:

Сравню благоухание реки
с прикосновением дружеской руки.
Аму-Дарья! Нежней ковров роскошных
твои сухие, желтые пески.

Давно уже нет Рудаки, а великая среднеазиатская река по-прежнему неудержимо мчится сквозь пустыню. Много она перевидала на своем веку. О ее песок воины Чингисхана чистили свои кинжалы, на ее берегах Тимур выжигал леса; ее водой Джамаль-уд-дин Афгани — неутомимый борец против английского гнета — утолял жажду. Может быть, именно потому, что так богата ее история, Аму-Дарья служит неиссякаемым источником вдохновения для сменяющих друг друга поколений поэтов...

Из Афганистана в Пакистан я добирался автомобильным транспортом. На афганской земле много нового и интересного. Строятся заводы и гидроэлектростанции, возводятся плотины, прокладываются новые дороги. Я спешу побыстрее добраться до пакистанской границы. Ведь там, в Пакистане, много моих друзей, писателей, журналистов, с которыми я не виделся уже 11 лет — с момента раздела Индии.

Вот наконец пограничный пост. В предвечерней мгле, окруженный со всех сторон высокими горами, он кажется маленьким островком, затерявшимся среди гигантских волн океана. Здесь уже готовились к намазу. Пограничники предоставили мне ночлег, угостили пловом. Мы засиделись до поздней ночи. Говорили о литературе, но больше о политике. Все хотели побольше узнать о жизни в Советском Союзе. Непринужденность, гостеприимство, желание услышать рассказ о другом мире — все это я наблюдал не только в пограничном пункте Турхам, а всюду, где мне довелось побывать в Пакистане.

Впервые о моих старых знакомых мне напомнили в Пешавере — городе, расположенном в трех десятках километров от границы. Вручая ключи от номера, директор гостиницы «Грин-отель», где я остановился, сообщил мне, что за несколько дней до моего приезда в этой же комнате жил Фаиз Ахмад Фаиз — наиболее известный из современных поэтов, пишущих на языке урду. Второе напоминание было куда менее приятным. В полицейском участке от меня потребовали назвать всех, кого я знал в Пакистане. Только на пятый день добрался я до Лахора.

Лахор с его узкими и грязными улицами является центром Панджаба. В городе сохраняются старые традиции и в то же время имеется достаточно простора для самых смелых начинаний. Лахор — это

смесь очень старого и совершенно нового. Здесь можно встретить человека, готового убить женщину лишь за то, что она вышла из дому без паранджи, и интеллигента, ломающего голову над тем, как бы найти в искусстве что-нибудь более новое, чем современный сюрреализм.

Лахор — центр литераторов и писателей, пишущих на языке урду, который наряду с бенгали является официальным языком Пакистана. Литература на языке урду широко распространена в стране. Следует отметить, что за последние годы значительное развитие получила также литература на языках бенгали, панджаби, синдхи и пушту. В Лахоре, как и в других городах страны, создаются кружки, цель которых — содействовать развитию национальных литератур. Но так как автор настоящей статьи посвятил себя литературе на языке урду, речь будет идти только о ней.

В Лахоре сосредоточено издание многих газет и журналов, работают крупнейшие мастера пера. Здание, в котором находятся редакции газет «Имроз», «Пакистан таймс» и еженедельника «Лель-о-Нахар», — место, где вы можете встретить виднейших литераторов страны. И это не случайно. Еще недавно названные газеты были для писателей и журналистов «свечой отшельника в темной ночи пустыни». Они и сейчас работают вместе, хотя их круг значительно расширился. Здесь я встретил Фаиза Ахмада Фаиза, Ахмада Надима Касми, Сибэ Хасана, Захира Бабра, Ахмада Али, Хамида Ахтара и нескольких молодых литераторов. В здании трех редакций особенно отчетливо чувствуется биение пульса литературы, и это биение ощущает весь западный Пакистан.

Жизнь пакистанских литераторов нелегка. Большинство из них платят 12—15% дохода от их книг. Но так как тираж изданий обычно составляет лишь одну-две тысячи экземпляров, то автор получает не более двух рупий за страницу. Поэтому литераторы вынуждены искать дополнительные источники дохода. Крупный прозаик и известный поэт Ахмад Надим Касми ежедневно шесть-семь часов проводит за редактированием газеты «Имроз» и только после этого может заниматься литературой. У поэта Фаиза очень много времени поглощает газета «Пакистан таймс» и профсоюз. Однажды один молодой писатель сказал мне с горечью: «Господин Фаиз с нами вырос, стал нашей путеводной звездой, а затем ушел от нас. У него не хватает времени встретиться с нами, принять участие в литературных диспутах».

Небольшим временем для литературного творчества располагают и другие писатели и поэты. Насир Казми где-то работает в качестве клерка, Интизар Хуссейн — в газете, поэт Адм — в бухгалтерии, Ибрагим Джалис сотрудничает в газете и кино, Мухамед Хасан Аскари и Мумтаз Хуссейн преподают в колледже и т. д. Небольшим источником дохода для литераторов служит и радио.

В тяжелом положении находится многочисленная армия левых писателей и литераторов. Они не имеют ни своего печатного органа, ни своего издательства. ни своей организации.

В лучших условиях — группа литераторов, возникшая после образования Пакистана. В ее состав входят крупные правительственные чиновники и профессора университетов. Влияние в политических кругах сказывается и на литературных доходах группы. Мне рассказывали, что эти господа получают от правительственных и полуправительственных учреждений гонорар из расчета 25 рупий за страницу. Группа имеет свою организацию — «Кружок людей, понимающих изящное» и печатный орган — журнал «Наи тахирен».

¹ Автор — индийский журналист, работающий в настоящее время в Советском Союзе над переводом русских классиков на язык урду.

В честь моего приезда в Лахор известный мастер рассказа Интизар Хуссейн устроил ужин в местном кафе. На ужине присутствовали Ахмад Надим Касми, Насир Казми, Ибадат Барелзи, Каюм Назар, Мирза Адип, Мухаммед Сафдар и несколько молодых писателей. Читали стихи. Не только в произведениях поэтов старшего поколения, но и в первых стихах молодежи очень сильно чувствовались ноты печали и безнадежности. Я до сих пор помню отрывок из газели молодого поэта Муштата:

Воспоминаний священную книгу
вчера перелистывал ты,
и выпали из страниц пожелтелых
засушенные цветы.

И это стихотворение считалось лучшей вещью вечера. Всюду, где мне позже пришлось побывать, среди литераторов царил такая же атмосфера уныния и бесперспективности. То новое, что должно было прийти в литературу в связи с образованием пакистанского государства и изменением обстановки, не пришло. Несмотря на некоторые сдвиги в экономике и в деле народного образования, писатели, с которыми я встречался, признают, что они работают без вдохновения и поэтому мало пишут хороших книг. Помимо политический, имеется и ряд других причин подобного упадка духа. Не последнее место среди них занимают три, о которых мне хочется рассказать.

В настоящее время вместо поднятия важных тем, серьезной разработки теории литературы все внимание обращается на форму. Энергия расходуется на изыскание сотни оригинальных способов выражения одной мысли, а не на поиски сотни новых оригинальных мыслей. Предпринимаются попытки переделать друг друга в подражании старым образцам. Многие поэты создали себе имя лишь благодаря тому, что стали писать газели и использовали в них для выражения скорби и страданий манеры и стиль поэта Мира, жившего в XVIII веке. В ряду таких поэтов первое место занимает Насир Казми.

Вторая причина атмосферы уныния кроется, как мне кажется, в перспективах развития языка. Однажды в Карачи состоялось собрание, созданное организацией «Базм-э-Афкар». Обсуждался вопрос о будущем языке урду и литературы на нем. Критик Мудж² таба Хуссейн тогда правильно подметил, что большинство людей, знающих урду, — переселенцы из Индии. Естественно, что им еще чужда атмосфера, в которой они теперь живут, они не могут свыкнуться со здешней обстановкой, они оторваны от народа. В Карачи, например, все жизненно важные позиции сосредоточены в руках приезжих, говорящих на языке урду. Это в основном бомбейские купцы или чиновники из Бенгалии и Соединенных провинций, в то время как низшие слои — рабочие и крестьяне окрестных районов являются местными жителями, говорящими на синдхи. Поэтому здесь официальный язык урду подобен маслу на воде: на поверхности видно, а глубины не имеет.

В связи с сильными брожениями на национальной почве (например, в Бенгалии) мало кто верит в то, что урду в ближайшие 20—25 лет станет национальным языком в полном смысле слова. Понятно, что в таких условиях, в атмосфере неуверенности и разобщенности, лучшие литераторы работают без вдохновения. Они не стремятся дать глубокие по содержанию произведения и занимаются в основном формой. Вот почему некоторые из них подумывают о том, чтобы усилить влияние западной, в особенности английской, литературы, сделать своим идеалом та-

ких писателей, как Джеймс Джойс и Т. С. Элиот.

Серьезная причина пессимизма пакистанских литераторов состоит и в барски высокомерном отношении власть имущих к литературе. Хотя во время ежегодных традиционных состязаний поэтов лица из высшего общества всегда занимают почетные места, они не знают не только литературы, но даже и имен своих наиболее выдающихся поэтов. Вот несколько характерных примеров.

Все признают, что среди современных поэтов, пишущих на языке урду, поэзии Джоша Малихабади принадлежит одно из первых мест. Живя в Индии, поэт пользовался большим уважением народа, а также лично премьер-министра Неру и президента Раджендра Прасада. Три года тому назад поэт переехал в Карачи и по просьбе местных властей принял пакистанское гражданство. В момент нашей встречи Джош был очень печален. Из его слов мне стало ясно, что несколько дней назад состоялся прием, на котором он встретился с премьер-министром Фироз Хан Нуном. Премьер-министр осведомился о его здоровье, а затем спросил: «Скажите, ведь вы живете в Лакхнау (Индия.— З. А.). Ну, как вам там живется?» Джош ответил, что он навсегда приехал в Пакистан и живет здесь же, в Карачи. Премьер-министр удивился: «Да ну, а когда вы приехали? Чем вы здесь занимаетесь?»

О втором подобном случае я узнал от Фаиза. За несколько дней до нашей встречи в Лахоре полиция отобрала у этого выдающегося поэта иностранный паспорт как раз в тот момент, когда он готовился к отъезду в Европу. Фаиз, между прочим, собирался посетить и Советский Союз, но его надеждам не суждено было осуществиться.

В Пакистане очень велик интерес к русской и советской литературе. Выступления представителей мусульманского духовенства из Советского Союза на совещании преподавателей Панджабского университета произвели большое впечатление. Однако этот интерес удовлетворяется в очень незначительной мере. Книги и журналы, издаваемые в Советском Союзе, сюда не поступают. Фарих Бухари, Ахмад Надим Касми, Фаиз Ахмад Фаиз и другие пакистанские писатели с огорчением говорили о том, что они не имеют возможности получить даже свои собственные книги, переведенные на русский язык и изданные в Москве.

Многие писатели и читатели, с которыми я беседовал, были очень обрадованы, узнав, что в Москве на язык урду переводятся произведения Плеханова, Белинского, Чернышевского, Чехова, Гоголя, Пушкина, Салтыкова-Щедрина, Лермонтова, Толстого, Достоевского и Тургенева. Они взволнованно говорили о том, что нужно обязательно что-то сделать, чтобы хотя бы дореволюционная, если уж послереволюционная литература не может поступать в Пакистан, доходила до пакистанского читателя. Они считают также, что литературные круги страны не должны быть лишены возможности знакомиться со всеми лучшими образцами литературы других народов.

Многонациональная пакистанская литература переживает период становления. Несмотря на очевидные трудности этого периода, писатели и поэты, продолжая лучшие традиции когда-то единой индийской литературы, добились серьезных успехов, особенно в области поэзии и рассказа. Несомненно, что в будущем эти успехи будут еще более значительны. Залогом этого является общее для большинства пакистанских писателей понимание литературы, как мощного средства борьбы за национальную независимость и социальный прогресс.